

**АЗЕРБАЙДЖАН В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА
БАКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПОЭТА-СИМВОЛИСТА
В.И.ИВАНОВА****А.Дж.ГАДЖИЕВ***Бакинский Государственный Университет*

Виднейший представитель русского символизма, поэт, переводчик и ученый-филолог Вячеслав Иванович Иванов (1866 – 1949) был человеком, достаточно далеким от Востока. Однако интерес ко всему ориентальному, охвативший русских литераторов «серебряного века», не мог пройти и мимо Вячеслава Иванова.

21 марта 1911 года на одном из заседаний петербургского «Общества равнителей художественного слова» Вячеслав Иванов впервые обнародовал свои опыты в жанре газели, «стихотворной форме лирической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока», состоящей «из бейтов (двустихий), начало рифмовки – в первом бейте, в дальнейшем – однозвучная рифма идет через строчку, то есть первый стих каждого последующего бейта остается неза-рифмованным» (8, с. 83). Газели (в написании Вячеслава Иванова газэлы) эти были с интересом встречены присутствующими и послужили началом освоения этого жанра восточной поэзии русскими символистами.

Именно начиная с 1911 года восточная тема прочно входит в творчество поэта, ярчайшим примером чего служит увидевший свет в этом же году его поэтический сборник «*Cor ardens*», включающий шестнадцать стихотворений, тематически связанных с Востоком. Эти тематически обращенные к Востоку стихотворные произведения условно можно разделить на две группы, в определенной степени соприкасающиеся друг с другом. Первую составляют произведения, навеянные популярной в восточной поэзии темой соловья и розы, объединенные в цикл под названием «Новые газэлы о розе». В эту группу входят такие стихотворения, как «Роза крови», «Роза обручения», «Роза меча», «Роза огня», «Роза преображения», «Роза речных врат», «Роза возврата», «Роза трех волхвов», «Роза царицы Савской», «Роза царского сына», «*Cor ardens roza*», «Роза союза». Помимо этого к этой группе примыкают некоторые стихотворения на восточную тематику, написанные в 1910-ые годы, но опубликованные Вячеславом Ивановым вне сборника «*Cor ardens*». Это «Воспоминания о Яффе», увидевшие свет в альманахе «Гюлистан» (Москва, 1916, книга 2) и «Мемнон», опубликованный в журнале «Русская мысль» (1915, книга 8). Еще три стихотворения - «Певец у суффитов», «Фламинго» и «Яффа»- при жизни автора вообще не печатались и только в 1962 году были опубликованы в книге Вячеслава Иванова «Свет вечерний», изданной в Оксфорде.

Вторую группу составляют стихотворения, навеянные знакомством Вячеслава Иванова, с одной стороны, с творчеством великого персидского поэта Гафиза Ширази и с восточным краем в целом, а с другой – с жанровой системой восточной поэзии. Этот цикл составляют такие стихотворения, как «Палатка Гафиза», «Ипа», «Клан пращуров твоих взрастил Тибет», «*Turris eburnea*», «Возрождение Газэла» (7).

Тот факт, что восточные мотивы впервые отразились в творчестве Вячеслава Иванова именно под влиянием произведений персидского поэта Гафиза Ширази нельзя объяснить случайностью. В свое время мы показали, что из всех великих восточных поэтов именно Гафиз был наиболее популярен в России в XIX веке (1). Произведения Гафиза, неоднократно переведенные на русский язык, в определенной степени олицетворяли для русских читателей поэзию Востока. Ясно, что каждый из русских поэтов, поклонников Гафиза, по своему воспринимал его поэзию. Вячеслава Иванова привлекало в творческой манере Гафиза именно стремление к символике. Будучи ярким представителем русского символизма, Вячеслав Иванов прослеживает гафизовские символы, восхищается ими, творчески обогащает свою поэзию его символикой: «в своем значении, когда он нарекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик и всегда темен в последней глубине» (5, с. 39).

По свидетельству еще одного представителя русской поэзии «серебряного века» М. Кузмина, в творческом плане Вячеслава Иванова был роман под названием «Северный Гафиз».

Характерно, что, ознакомившись с произведениями другого представителя восточной поэзии, Джалаледдина Руми, Вячеслав Иванов процитировал его двустишие:

«Кто изведет силу пляски, - в Боге тот!

Знает он: любовь – убийство Аллаху!»

и так его комментировал: «Что означает на языке восточных мистиков: страстное к Богу разбивает ограниченную индивидуальность человека; где пробуждается любовь, умирает я» (6, с.35).

Бурные Октябрьские события 1917 года Вячеслав Иванов, как и другие поэты «серебряного века», пережил очень тяжело. В голодное лихолетье он покидает Россию, принимает приглашение правительства Азербайджанской Демократической Республики, приезжает в Баку и устраивается на кафедру классической филологии в, только что открывшийся Бакинский университет. Эту, в общем-то, новую для себя стезю Вячеслав Иванов воспринял всерьез и творчески. Он, с одной стороны, по собственной инициативе занимается доукомплектованием профессорско-преподавательского состава Бакинского университета, пригласив сюда на работу представителя петербургской филологической школы, известного ученого, профессора Варшавского университета А.М.Евлахова, а с другой, осознавая потребность вновь открытого учебного заведения в высококвалифицированных кадрах, усиленно работает над своей докторской диссертацией на тему: «Дионисий и прадионисийство». Выбор темы представляется закономерным, поскольку еще в 1908 году В.И.Иванов был сведущ древнегреческой литературе, проводя параллели между заключительной

частью греческих трагедий и эпилогом поэмы А.С.Пушкина «Цыганы». В.И.Иванов, процитировав этот эпилог:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет,

приходит к выводу, что он напоминает «хоровые заключения греческих трагедий» (10, с. 228).

Поскольку в 1920-ые годы в Азербайджане не было Высшей Аттестационной Комиссии, и защита диссертации приравнивалась к ее утверждению, по действующему в то время Уставу Бакинского университета перед защитой необходимо было публично обсудить разделы диссертационного исследования перед университетскими учеными. В предисловии к своей диссертации, изданной в 1923 году во второй государственной типографии города Баку, Вячеслав Иванов пишет: «Восемь глав диссертации были предметом научного диспута в открытом заседании историко-филологического факультета» (4, с. У1). 22 июля 1921 года Вячеслав Иванов успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Дионис и прадионисийство», после чего ему была присуждена ученая степень доктора по кафедре классической филологии. Важно отметить, что в диссертации, посвященной древнегреческой мифологии, Вячеслав Иванов проводит весьма интересные параллели с современной себе азербайджанской явью 1920-х годов. Так, большой интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление обрядов древних греков, в частности, их плача по умершим с известной мусульманской мистерией «Шах Гуссейн» (в разговорном варианте - «Шахсей»), которую он имел возможность наблюдать в Баку и, которая и ныне почитается в Азербайджане. Известно, что мистерию эту записали многие русские писатели - А.А.Бестужев-Марлинский, И.Березин и другие, но ни у кого из них нет сопоставлений, сделанных Вячеславом Ивановым.

Поскольку диссертация Вячеслава Иванова была издана свыше восьмидесяти лет назад и никогда не переиздавалась, думается, современному азербайджанскому читателю будет интересно с ней ознакомиться, окунувшись в Бакинские будни начала 1920-х годов. В диссертации об этой мистерии читаем: «В сентябре шииты правят плачевный и экстатический праздник, именуемый в обиходе по неустанно повторяемому его участниками френетическому восклицанию «Шах-сэй, вах-сэй» (то есть «шах Гуссейн, горе Гуссейн...»). Этиологически приурочен этот праздник к воспоминанию о гибели исторического Гуссейна, но очевидно восходит своими корнями к древнейшим плачам, как и вообще в религиозном быте Персии сохранились остатки первоначальных культов. Пишущий эти строки имел случай наблюдать описываемые обряды в Баку. Больше чем за неделю до главного дня начинают ходить по городу, в окрестностях мечетей, процессии верных, бичующих себя в такт причитаний по голой спине связками цепей или ударяющих себя кулаками в обнаженную грудь.

Вечером, при факелах, эти процессии с несомыми впереди под бой барабана разноцветными знаменами, металлическими изображениями отсеченных кистей рук Гуссейна, тюрбанами с вонзившимися в них мечами и т.п., особенно часты и многолюдны. Число участников заметно возрастает со дня на день; растет и воодушевление по мере приближения к завершающему акту печального торжества. С утра в последний день разыгрывается пышное действие со многими действующими лицами, воинами пешими и конными в старинных кольчугах, детьми Гуссейна и выполняющими женские роли переряженными мужчинами. В прологе зрители увидят Гуссейна последней сцены сидящем на коне, в чалме с врубленными в неё ятаганами. Изображаются со многими перипетиями битва, предательство, поединок, мученическая смерть героя. В заключение его палатка (как хижина в Нифона в дельфийский «Септериях») объята пламенем. При виде окровавленного, обезглавленного, изуродованного убийцами его тела в окружающей толпе пробегает огонь подлинного наступления, и белые туники обгаются первой кровью. Многочисленные процессии, ещё более густые, пёстрые и разноцветные, с боем барабанов, бряцанием и громом металлических орудий, ритмическими псалмодиями, расходятся по улицам. Бичующиеся, в чёрных одеждах с вырезами на груди и спине, продолжают с ещё большею ревностью своё самоистязание; но большинство, с непередаваемым выражением сосредоточенной решимости в искаженных чертах лица и в дико горящих глазах, движется с мечами, шашками, кинжалами наголо, чтобы в определенные сроки и на урочных перекрестках возобновить резню. Их белые одежды постепенно окрашиваются в густо-красный цвет, они наносят себе порезы и раны, поражая себя в голову, часть которой для этой цели предварительно выбривается, - сначала как бы с некоторым расчетом удара, потом всё с большим увлечением, доходящим до самозабвения. Если бы кто-нибудь зарубил себя при этом на смерть, ему обеспечена загробная награда павшего в битве борца за веру. И не один из участников, на глазах наблюдателя, выбывает, шатаясь, из строя и куда-то уводится единоверцами из толпы, остающихся пассивными зрителей. Но и эта толпа лишь условно пассивна: она сопереживает происходящее с величайшим выражением, и из её рядов – то и дело – раздаются громкие рыдания и горестные возгласы. Женщины в белых и цветных чадрах располагаются на плоских кровлях; прежде они должны были поднимать ритуальный плач. Проезжают мимо на разубранных лошадях дети Гуссейновой семьи; проводят лошадей с тюрбанами на седле, в ознаменование погибших всадников, и покрытую окровавленным чепраком лошадь самого святого, причем группа дервишей, бормочущих молитвословия, через равномерные промежутки времени устремляется к её морде, чтобы покрывать её ласками; наконец, проносят закутанный труп Гуссейна с обнаженными израненными ногами и покрытым запекшеюся кровью обрубок шеи. Поиски отсеченной и украденной врагами головы составляют предмет отдельного обряда: ищущие заглядывают во все дворы и закоулки, изображая тревогу и надежду. Любопытно, что по обезглавлении героя, отрубленная голова раскрыла уста и произнесла исповедание единого Бога и Его пророка. По окончании патетической части празднования начинается кафартическая, открываемая многодневным постом, за которым следует пиршество» (6, с. 183-186). Проводя параллели между древнегреческими

плачами и мусульманской мистерией, свидетелем которой он был в Азербайджане, Вячеслав Иванов заключает: «Таковы современные пережитки древнего энтузиастического плача, в его доньине сохранившейся непосредственности, – со всем тем, что породил он: миметическим действием, обрядом собирания разрозненных членов, культом пророчествующей головы – явлениями родными Дионисовой религии. Обычай карийцев в Египте наносить себе головные раны ножами при всенародных плачах по Осирису отмечен Геродотом» (6, с. 186).

Таким образом, глубокие познания в мифологии и истории Древней Греции, сопоставленные со свежими Бакинскими наблюдениями, дали автору возможность провести весьма интересные параллели о генетическом единстве народов, живущих в разных уголках Земли. Известно, что в своем поэтическом творчестве Вячеслав Иванов не раз использовал мифологические образы и сюжеты, в том числе и связанные с Дионисом.

Бакинский период жизни и творчества Вячеслава Иванова продолжался около четырех лет – с 1920-го по 1924-ый года. За этот период Вячеслав Иванов завоевал любовь студентов Бакинского университета, выразить которую некоторые из них (М.С.Альтман, Н.В.Котрелев) решились только в своих воспоминаниях, написанных спустя много десятилетий, в 1968 году (2; 9). Причина столь долгого молчания учеников поэта была в том, что упоминать в печати имя Вячеслава Иванова, как эмигранта, в советское время долгие годы не рекомендовалось. Напомним, что в 1924 году Вячеслав Иванов испросил разрешение отправиться в творческую командировку в Италию, связанную со 125-ти летним юбилеем А.С.Пушкина, но из этой командировки ни в Россию, ни в Азербайджан он уже не вернулся, добровольно став эмигрантом. В Италии в 1949 году и завершился жизненный путь поэта.

В Бакинский период своей жизни, занятый научной работой и педагогической деятельностью, Вячеслав Иванов написал сравнительно мало стихотворений. Интересно, что среди них есть и стихотворение «Зых», навеянное не радующим глаз пейзажем Зыха, расположенного на берегу Каспийского (в стихотворении приведено его древнерусское название - Хвальнское) моря известного пригорода Баку, где в начале 1920-х годов интенсивно добывалась нефть. Включенные в стихотворения традиционные для пейзажа Абшеронского полуострова инжировое дерево и виноградник, лишней раз подчеркивают осведомленность Вячеслава Иванова в наших реалиях:

На Зыхе нет ни виноградной
В кистях лозы, ни инжиря:
Все выжег зной, все выпил жадный;
И в сакле я дремал прохладной
До половины сентября.
А перед саклею, горя
Сапфирами восточной славы,
Текли хвальнские струи.
И милы стали мне твои,
О Зых, возгорий плоских главы,
Твой остов высохшей змеи

Меж двух морей живой оправы,
И солнцем пахнувшие травы,
И в белом камне колеи (3, с. 28).

Стихотворение это при жизни Вячеслава Иванова не публиковалось. Можно предположить, что Бакинские свои впечатления он хотел сохранить при себе, не посвящая в них других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агиль Гаджиев. Вокруг Пушкина. Баку, Язычи, 1989.
2. Альтман М.С. Из бесед с поэтом В.И. Ивановым – Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 209. Тарту, 1968, с. 321-328.
3. «Если ты Баку не видел...». Сборник стихотворений русских поэтов, посвященных Баку. Вступительная статья, составление и комментарии Агиля Гаджиева. Баку, Гянджлик, 2004.
4. Вячеслав Иванов. Дионис и прадиионисийство. Баку, 2-ая Государственная типография, 1923.
5. Вячеслав Иванов. По звездам. Санкт-Петербург, 1909.
6. Вячеслав Иванов. Эллинская религия страдающего бога – журнал «Новый путь», 1904, № 5.
7. Вячеслав Иванов. Cor ardens. Санкт-Петербург, 1911.
8. Квятковский А. Поэтический словарь. Москва, Советская энциклопедия, 1966.
9. Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета -Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 209. Тарту, 1968, с. 329-337.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений, т. 2. Санкт-Петербург, изд. Брокгауз-Ефрон, 1908.

AZƏRBAYCAN – BAKI UNIVERSİTETİNİN PROFESSORU SİMVOLİST-ŞAİR V.İ.İVANOVUN YARADICILIĞINDA

A.C.HACIYEV

XÜLASƏ

Tanınmış rus şairi, rus simvolizminin banisi Vyacheslav İvanoviç İvanov 1921-1924 illərdə Bakı Universitetində çalışmış və burada “Dionis və pradiionisiystvo” mövzusunda doktorluq dissertasiyasını müdafiə edib, filologiya elmləri doktoru elmi dərəcəsinə və professor elmi adına layiq görülmüşdür. Məqalədə V.İ.İvanovun Bakı təəssüratlarını əks edən dissertasiyasının müvafiq səhifələri və şairin Bakıya həsr etdiyi şeir təhlil edilir.

AZERBAIJAN IN CREATIVE WORK BAKU UNIVERSITITES PROFESSOR V.IVANOV

A.J.HAJIEV

SUMMARY

Outstanding representative Russian symbolism Vyacheslav Ivanov in 1921-1924 years teaching in Baku universities, where you to defend doctorr thesis “Dionis and pradionisies”.

The article devote for Baku chapter live and oriental subject in creative work.